

Опираясь на результаты проведенного исследования, авторы описывают особенности дифференциации музыкальных предпочтений студентов туркменских вузов и прогнозируют возможный характер влияния подобных различий на межэтнические отношения.

ВЛИЯНИЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ НА КОЛЛЕКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Л. С. Майковская, Ф. Н. Ильясов

Связь между искусством и социальными процессами давно привлекает внимание ученых. Известный французский философ-позитивист Ж.М. Гюйо (1854-1888) еще в прошлом веке изучал регулирование поведения социальных групп посредством различных эстетических феноменов [1]. Наш современник, немецкий философ и социолог, представитель франкфуртской школы Т. Адорно (1903-1969) считал весьма важным исследование отношений между потребителями искусства как обобществленными индивидами и самим искусством [2].

В условиях, когда речь идет о неоднородных и в этнокультурном, и в социальном плане - сообществах, влияние тех или иных эстетических предпочтений и пристрастий на поведение людей неоднозначно, более того, в определенной ситуации данный факт может, как нам кажется, иметь достаточно серьезные социальные последствия. Прежде чем подробнее остановиться на этой нашей гипотезе и на результатах проведенного исследования, рассмотрим, каковы основные тенденции в изменении социальных функций искусства.

Во-первых, уменьшается его культовая роль. Обряды, имевшие четко очерченный статус на относительно ранних этапах становления человеческого общества и сопровождавшиеся военными, охотничьими, земледельческими, брачными, погребальными и иными ритуальными песнопениями, музыкой, танцами и живописью, секуляризуются, приобретают условно-символическое значение, становятся более обыденными, теряя сакральность. В результате регулирующие, психотерапевтические, консолидирующие и другие социальные и психологические функции перечисленных и иных видов искусства заметно снижаются.

Вторая тенденция связана с уменьшением классовой роли искусства (если под этим пони-

мать процессы противопоставления классовых интересов и классовой борьбы). Усиление, либо ослабление упомянутой роли почти полностью зависит от характера доходной дифференциации внутри общества или от соответствующих различий между типами социальных систем. "Музыка, - пишет Адорно, - имеет дело с классами в той мере, в какой классовые отношения запечатляются в ней" [2, с. 97]. Вначале, вместе со становлением классового общества, процесс противопоставления классовых интересов усиливался, и они лишь отражались в "народном творчестве". Затем "эстетика угнетенных" уже специально создавалась и использовалась в классовой борьбе. Так называемое пролетарское искусство и соцреализм, вероятно, были апофеозом данной функции искусства. В постиндустриальном обществе оно в значительной степени утрачивает эту роль, на смену которой приходит "мирное" стратовое (статусное) присвоение культуры.

"Музыка превратилась в политическую идеологию с середины XIX века благодаря тому, - отмечает Адорно, - что она выдвинула на первый план национальные признаки, выступила как представительница той или иной нации и повсюду утверждала национальный признак" [3, с. 71]. В той мере, в какой сейчас обнаруживаются тенденции к согласованию национальных интересов различных стран, можно говорить и о падении национально-идеологической роли искусства. Однако поскольку национальные интересы при существующем порядке их сочленения плохо совмещаются без ущерба для всех сторон, то следует ожидать, что названная роль будет наблюдаться еще довольно долго. В настоящее время национально-идеологическая функция искусства приобретает особую значимость в регулировании межнациональных отношений, вольно или невольно служа обеспечением конкуренции (экономической, политической и т.д.) различных социальных систем, архетипов и типов культуры, образа жизни, систем ценностей и т.д. Ярким

МАЙКОВСКАЯ Лариса Станиславовна - кандидат педагогических наук, доцент Туркменской национальной консерватории. ИЛЬЯСОВ Фархад Назипович - кандидат философских наук.

примером национально-идеологической экспансии является американский кинематограф.

Особое значение начинает приобретать комфортная (гедонистская, релаксационная) функция искусства. С повышением уровня жизни, увеличением свободного времени и материальных средств оно становится все более массовым, а практически неограниченные возможности тиражирования придают этой тенденции глобальный характер. Комфортная функция искусства является, строго говоря, скорее, психологической (если не сказать, физиологической), нежели социальной. Применительно к музыке эта функция отражает потребность в эстетических звуковых стимулах, соответствующих социальному и психологическому темпо-ритму эпохи. Неудовлетворение такой потребности порождает не только сенсорный, но и культурный голод, способный по мере аккумуляции и достижения критической массы вызвать "голодные бунты". В этом смысле, понимая некоторую метафоричность подобного суждения, мы можем сказать, что перестройка в СССР была в том числе и таким голодным бунтом. Кто больше всего ратовал за преобразования? Поколение 40-летних, "недопотребивших" в свое время "Битлз", более старшие поколения, недослушавшие Элвиса Пресли, Эллу Фитцджеральд и джаз. Эта неудовлетворенная потребность, отложившаяся в недрах подсознания, проявила себя позднее в тотальном и безоглядном стремлении к преобразованию и свободе выбора, причем не всегда в адекватных формах.

Художнику кажется, что ему нужна свобода творчества, слушателю (зрителю) - что ему нужна свобода в выборе художника, однако и тот, и другой обречены находиться в колее своей эпохи. Действительно, музыка всегда соответствовала социальным процессам, состояниям и ритмам того времени, в котором она создавалась (не могла такая, например, вещь, как "Время, вперед!" Г. Свиридова, быть написана в XII в.). Свобода заключается в том, чтобы почувствовать, услышать "ритмы общества". Музыка - это тонально-ритмическая функция социального контекста, во всех своих ипостасях, включая гедонистическую. Именно последнее свойство (и не только музыки) порождает социальные проблемы, в частности, потакая, что называется, "низменным страстям и порокам". "В настоящее время, - писал еще сто лет назад Ж.М. Гюйо, - искусство становится все более и более демократическим, и, в конце концов, оно предпочитает даже обществу порочных обществу честных людей" [1, с. 457].

Еще одна тенденция изменения функций искусства заключается в следующем. Когда общественная конструкция усложняется, искусство начинает выполнять самодостаточную роль социального идентификатора (интегратора, инди-

катора), указывая место потребителей того или иного произведения в социальном пространстве. В последнее время эта роль заметно усилилась. Социальные субъекты идентифицируют свою общность, то есть принадлежность к той или иной группе на основе общих эстетических пристрастий и вкусов. Это реализует их потребность в социальной ориентации и самоидентификации, дает чувство "своей страты". Описанный феномен усиливается комфортной функцией искусства, поскольку она позволяет задавать стандарты потребления культуры, принятые в группе формы релаксации и т.д. Таким образом, функция идентификации вкупе с комфортной порождают относительно новый параметр детерминации коллективного поведения.

В ситуации межгрупповой конкуренции социальный идентификатор способен выполнять интегративную, сплачивающую функцию, а при межгрупповом конфликте - генерировать и поддерживать состояние агрессии. "Искусство, - утверждал Ж.П. Гюйо, - есть распространение общественного путем чувства... художественная эмоция по существу своей общественна; в результате она имеет целью расширить индивидуальную жизнь, заставить ее слиться с более широкой и универсальной жизнью" [1, с. 48]. Иными словами, в определенных условиях сам факт потребления искусства может спровоцировать те или иные социальные настроения.

Эстетические, в частности, музыкальные пристрастия способны быть индикатором состояния межгрупповых, в том числе межэтнических отношений, которые в зависимости от конкретной социальной ситуации носят актуальный или потенциальный характер. В случае "межэтнического мира" каждый слушает музыку "своей группы", не обращая особого внимания на вкусы других. Однако при обострении ситуации может произойти разделение на "мы" и "они" и по линии эстетических предпочтений.

И обыденный опыт, и специальные исследования однозначно свидетельствуют: между этнической (этнокультурной) принадлежностью человека и его музыкальными пристрастиями существует связь. Это вполне естественно, поскольку процессы культурной социализации, то есть включение индивида в систему культурных отношений, интернализация им культурно-эстетических норм, с неизбежностью формируют определенную шкалу ценностей и предпочтений, в том числе музыкальных. Вместе с тем, когда сообщества неоднородны как в этнокультурном, так и в социальном плане, то, с одной стороны, имеют место различия межэтнические, а внутри одного этноса - стратовые и нередко региональные; с другой - происходят процессы интернационализации классической и национальной музыки и

Распределение музыкальных предпочтений студентов в зависимости от этнической принадлежности и типа поселения, % к числу опрошенных

Виды музыкальных предпочтений	Славянская группа (N = 103)	Туркмены (N = 176)		
		в целом	жители города	выходцы из села
туркменская классика	1.1	6.8	9.1	4.8
туркменская народная музыка	–	21.3	13.2	30.4
туркменская эстрада	2.2	95.9	93.6	97.7
турецкая, азербайджанская, индийская эстрада	2.6	61.4	57.2	66.3
западный рок	49.7	–*	–	–
западная эстрада	94.8	44.9	58.2	31.5
советская, российская эстрада	79.4	–**	–	–
советский, российский рок	38.3	29.8	40.4	19.8
мировая классика	27.6	1.1	2.1	0
джаз	19.6	2.1	3.9	0
народная музыка других стран	15.6	2.7	2.2	3.4
Индекс музыкальных предпочтений***	199.9	266.0	279.9	253.9

* Студенты-туркмены не всегда четко различали "эстраду" и "рок", поэтому эти две позиции совмещены в следующей строке таблицы.

** Аналогично сведены данные по советской, российской эстраде и року.

*** Индекс музыкальных предпочтений представляет собой сумму процентов по столбцу у той или иной группы опрошенных. Чтобы величина индекса была сопоставима, для славянской группы в расчет включалась средняя арифметическая по советской, российской и западной эстраде, а также по року.

культурной экспансии (интеграции?), осуществляемой отдельными направлениями благодаря развитию эффективных систем трансляции и репродукции.

В ситуации смешения культурных потоков наблюдается также частичное смешение музыкальных пристрастий, что отражает сложные процессы межэтнического и межцивилизационного взаимодействия западного, восточного, азиатского и других архетипов культур. Поэтому, выявляя картину реальных музыкальных предпочтений в социуме, где исторически перекрестились несколько культурных веяний, да еще в условиях значительной этнической гетерогенности (в городах), мы на самом деле фиксируем не только результат сложной социальной эволюции коренного этноса, но и процесс адаптации этносов-мигрантов. Туркмения - один из самых маргинальных регионов Евразийского пространства, и уже в силу данного обстоятельства изучение музыкальных предпочтений в этой республике представляет, в свете сказанного выше, особый интерес.

Весной 1996 г. в Ашхабаде мы провели опрос студентов вузов, в ходе которого определялись различия в музыкальных вкусах между студентами-туркменами и представителями славянской этнической группы (русскими, украинцами, белорусами), а также внутри туркменской группы - среди выходцев из сельской местности и тех, кто родился и вырос в городе. Методом индивидуаль-

ного и группового анкетирования опрошено 279 респондентов, использовалась двухступенчатая квотная выборка. Результаты опроса приведены в таблице. Отвечать можно было сразу по нескольким позициям, поэтому общая сумма в колонках превышает 100%.

Исследование, о котором пойдет далее речь, является промежуточным и имеет локальные цели - апробировать методику сбора первичной информации, проверить исходные гипотезы. Планируется провести более масштабное исследование, в котором будет предпринята попытка вскрыть связь между музыкальными предпочтениями и этнической толерантностью. В методическом отношении это означает, что к уже использованному инструментарию будут добавлены шкалы Богардуса и Терстоуна, выявляющие характер межэтнических отношений. В основе предполагаемого исследования лежит гипотеза, согласно которой лица с более широким спектром музыкальных предпочтений более терпимы к представителям иных этнических групп.

Данные, приведенные в таблице, отражают ряд особенностей, обнаруженных и другими исследователями. Так, например, известно, что больше любят джаз и танцевальную музыку жители городов [3, с. 133]. В нашем опросе среди студентов-туркмен - выходцев из села нет ни одного любящего джаз, среди горожан - 4%. Среди славян (наиболее урбанизированная группа из об-

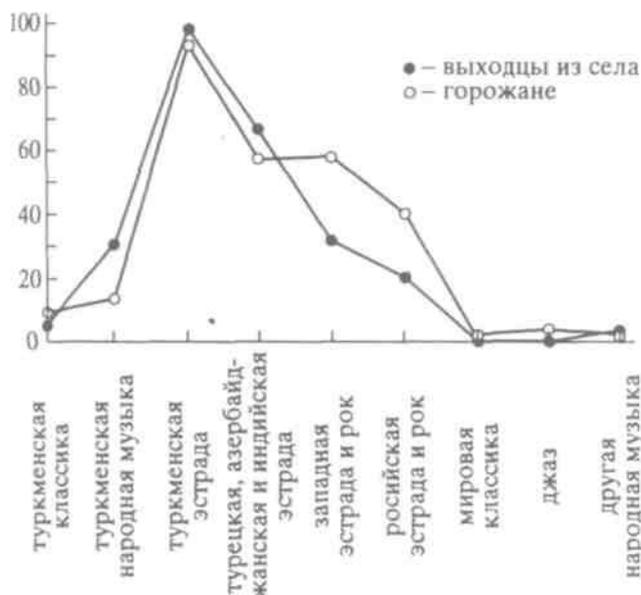

Рис. 1. Музыкальные предпочтения студентов-туркмен

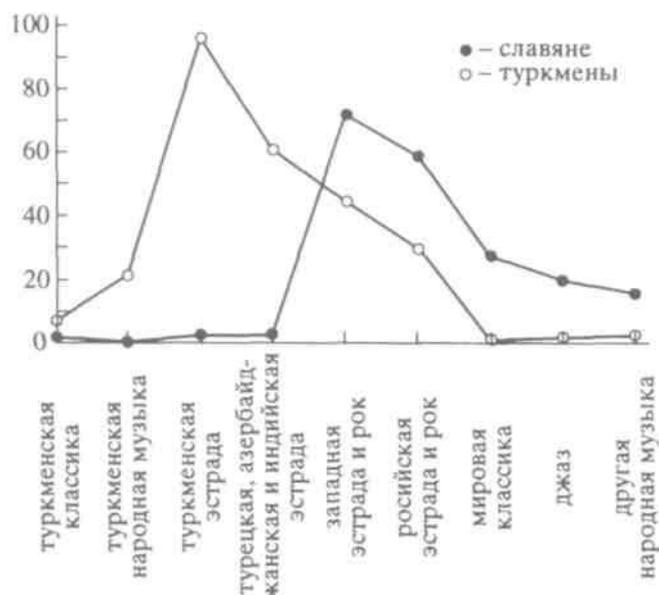

Рис. 2. Музыкальные предпочтения студентов туркменской и славянской групп

следованных) таковых 19.6%. В отношении к танцевальной (дискотечной) музыке - западная, российская эстрада и рок - разница более выражена: доля тех, кто отдает предпочтение этим видам, увеличивается приблизительно в 1.5 раза по мере роста урбанизированности.

Гораздо ошутимее выражены различия между группами по отношению к мировой классике (соответственно 0,2 и 28%). Возможно, это объясняется тем, что понятие "мировая классика" является евроцентристским, в список "классиков" входят преимущественно европейцы или выходных из Европы.

Что касается туркменской классики, то в качестве предпочитаемой ее назвали 9.1% городских туркмен и 4.8% - сельских. Это, впрочем, почти в 3 раза меньше аналогичного показателя у студентов-славян (27.6%). Вероятно, здесь также проявляется фактор урбанизированности, с ростом которой увеличивается число приверженцев классической музыки вне зависимости от ее "национальности". Существует и обратная зависимость - чем человек "ближе к земле", тем ему больше по душе народная музыка. Так, доля любителей туркменской народной музыки среди сельской молодежи в 2.3 раза выше, чем среди городской.

Поскольку урбанизацию в Туркмении во многом можно квалифицировать как "европеизация", неудивительно, что городские туркменские юноши и девушки чаще, чем сельские, называли в качестве предпочитаемой "европейскую" (западную, советскую, российскую) эстраду и реже - "азиатскую" (турецкую, азербайджанскую, ин-

дийскую). Вполне ожидаемым оказалось у туркмен преобладание в предпочтениях отечественной и вообще "азиатской" музыки (соответственно 95.9 и 61.4%), у славян - западной и российской (94.8 и 79.4%).

Мы предполагали, исходя из собственных наблюдений, что сумма предпочтений у туркмен должна быть выше, чем у славян, прежде всего за счет того, что, отвечая на вопрос анкеты, они чаще называли туркменскую и "азиатскую" музыку. Индексы музыкальных предпочтений (так мы обозначили сумму процентов по столбцу -см. табл.) действительно оказался выше у туркменских юношей и девушек (266), чем у славянских (199). Массовое сознание туркменской молодежи различает среди своих соотечественников тех, кто увлекается туркменской музыкой, и тех, кто предпочитает слушать западную и российскую музыку. При обострении социальной ситуации подобное различие в музыкальных пристрастиях может сказаться и на межэтническом поведении.

Для большей наглядности и более полного использования полученной информации мы "перевели" результаты опроса в форму "графических профилей", то есть в графики распределений музыкальных предпочтений, выявленных у тех или иных групп респондентов.

При сравнении "графических профилей" студентов-туркмен - выходцев из села и горожан - видно, что основное различие между ними заключается в отношении к туркменской народной музыке и к западной, российской эстраде и року (рис. 1). Причем, как показывают материалы опроса, эти виды музыки для некоторых респонден-

тов являются как бы взаимоисключающими. Так, юноша-туркмен - ярый поклонник западного рока - назвал народную музыку "этнографическими консервами", саркастически заметив: "Сколько ими можно питаться!?"

На музыкальные предпочтения достаточно заметное влияние оказывает пол. Городские девушки-туркменки значительно меньше любят рок-музыку, нежели юноши, а сельские девушки ее вообще не слушают. Кроме того, девушки больше, чем юноши, любят классическую музыку (вне зависимости от национальности).

"Графические профили" студентов туркменской и славянской групп наглядно демонстрируют как разницу между ними (тяготение соответственно к Европе и к Азии), так и сходство (рис. 2). Часть графика, которая покрывается двумя кривыми, и есть мера общности, объединяющей обе группы. При этом фактором "сближения" славян и туркмен служит их любовь к западной эстраде и року. На наш взгляд, упомянутая мера общности может быть показателем межэтнической интеграции, взаимослияния культур в данном регионе, а значит в определенной степени способна выполнять и роль индикатора (хотя и не самого значимого), отражающего состояние реальных, а главное, потенциальных - в случае обострения социальной ситуации - межэтнических отношений.

Говоря о возможном изменении характера музыкальных предпочтений в республике, отметим следующее. Потребление музыки можно разделить на относительно пассивное (при помощи телевидения, радио) и относительно активное (посещение концертов, прослушивание магнитофонных записей и т.д.). Как показывает опыт музыкального маркетинга, пассивные формы по-

требления детерминируют активные. Это дает основание утверждать, что музыкальная политика вещающих теле- и радиоканалов определяет будущее музыкальных предпочтений, а значит, в известной мере и будущее межкультурных, межэтнических отношений.

В Туркмении из четырех телеканалов только один (сокращенная трансляция ОРТ-1) "показывает" музыку других культурных групп (западную, российскую, восточную, латиноамериканскую и т.д.), остальные транслируют "азиатскую" музыку. Даже с учетом того, что ОРТ-1 - самый популярный канал в республике (в том числе и среди коренного, особенно городского населения), при продолжении нынешней политики музыкального вещания у следующих поколений туркменских юношей и девушек музыкальные предпочтения, скорее всего, сместятся в "азиатском" направлении. В результате может увеличиться "человеческая" дистанция между коренными жителями и представителями русскоязычного населения. Для Туркмении это будет означать продолжение или даже усиление миграции последних, отток высококвалифицированных кадров, дефицит которых уже остро ощущается, а для России - усугубление вопроса приема и адаптации мигрантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гюйо Ж.П.* Искусство с социологической точки зрения. Собр. соч. в 5 томах. Т. 5. Спб.: Товарищество "Знание", 1901.
2. *Адорно ТВ.* Введение в социологию музыки. Вып. 1. М.: Ин-т философии АН СССР, 1973.
3. *Адорно ТВ.* Введение в социологию музыки. Вып. 2. М.: Ин-т философии АН СССР, 1973.